

- Петербург. 30 октября– 01 ноября 2018 года. Издательство ЦСО. 2018. Стр. 261–268. ISBN: 978-5-906623-34-8
- В.Я. Порхомовский, И.С. Рябова.* Антропоморфизмы в версиях Ветхого Завета на языке суахили: стратегии перевода // «Образы языка и зигзаги дискурса». Москва, «Культурная революция», 2018. Стр. 402–410. ISBN: 978-5-6040343.
- В.Я. Порхомовский.* «Переводы канонических текстов в контексте формирования языковой нормы в бесписьменных и младописьменных языках», стр. 46–48. // «Вопросы филологии», №1 (61) 2018, ISSN1562-1391. М., 2018.
- В.Я. Порхомовский, И.С. Рябова.* Имена Бога в версии Ветхого Завета на языке зулу. // «Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция». Москва, 14–17 ноября 2018 г. М. «Языки народов мира», 2018. Стр. 540–547. ISBN: 978-5-6041865-5-8
- Ph. Cassuto, V. Porkhomovsky.* Les stratégies de traduction de l’Ancien Testament dans les trois versions haoussa de la Bible : un problème d’interprétation ? // «Topics in Chadic Linguistics X.» pp. 113–142. Papers from the 9th Biennial International Colloquium on the Chadic Languages. Villejuif, September 7–8, 2017. Edited by Henry Tourneux & Yvonne Treis. In Memoriam Russell G. Schuh. RÜDIGER KÖPPE VERLAG • KÖLN. 2019. ISBN 978-3-89645-530-7.
- В.Я. Порхомовский, И.И. Чельшева.* Имена Бога в первых переводах Ветхого Завета на французский язык. // «Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование». Москва – Тамбов. 2019. Стр. 247–254. ISBN 978-5-00078-239-2 (Вып. XXXVI), ISBN 978-5-89016-442-1.
- В.Я. Порхомовский.* Переводы Библии и формирование литературной нормы в языках Нигерии: типологический аспект. // «Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика. Тезисы докладов научной конференции» (Москва, 15 апреля 2019 г.) Стр. 254–256 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; [отв. ред. Н. С. Кулешова]. – Москва : Ключ-С, 2019. ISBN 978-5-6041804-7-1. <http://www.iaas.msu.ru/images/conference/lomonosov1/lomo2019.pdf>
- В.Я. Порхомовский, Ю.Г. Суетина.* Лексико-семантическое поле веры в языке хауса. // «Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах». М. Гнозис. 2019. Стр. 152–163. ISBN 978-5-94244-066-4.
- В.Я. Порхомовский, И.С. Рябова.* Антропоморфизмы в переводах Ветхого Завета на языках банту (дабида, суахили, зулу). // «Нас близко

- теперь держит при себе Африка». М. «Ключ-С». 2019. Стр. 32–41. ISBN 978-5-6042922-6-6.
- Ph. Cassuto, V. Porkhomovsky.* Hausa Versions of Biblia Hebraica from a Typological Perspective. // “Linguistic evidence of cultural distance. Hausa in cross-cultural communication”. Pawlak, Nina (ed.). 2019. Warszawa: ELIPSA. Pp. 135–156.
- В.Я. Порхомовский, И.И., Чельшева.* Роль переводов канонических текстов в процессах формирования языковой нормы романских языков/ (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н. В. Я. Порхомовского и д.ф.н. И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // «Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2020. Т.6, N1. С. 84–107. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-9. http://rllinguistics.ru/media/linguistics/2020/1/output_15-85-108.pdf.
- А.В. Вдовиченко, В.Я. Порхомовский, О.И. Романова.* Антропоморфизмы в Ветхом Завете по версиям Септуагинты и Вульгаты // «Знаки языка и смыслы культуры», Серия «Когнитивные исследования языка», Отв. ред. М.Л. Ковшова. В печати.
- Ph. Cassuto, V. Porkhomovsky, I. Ryabova.* The names of God in Swahili and Zulu versions of the Old Testament // “Swahili Forum”. In press.

А.Б. Шлуинский

ИЯз РАН

К ТИПОЛОГИИ БИТРАНЗИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НИГЕРО-КОНГОЛЕЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Задача настоящей небольшой статьи – дать обзор битранзитивных конструкций в нигеро-конголезских языках и наметить перспективу описания их в отдельных языках и типологического исследования. Под битранзитивными конструкциями мы будем, в соответствии с наиболее частой современной терминологической практикой, понимать клаузы, вершинами которых является либо глагол со значением ‘дать’, либо глагол, имеющий в соответствующем языке аналогичную структуру валентностей и их оформления. Это узкое понимание битранзитивных конструкций, сужающее их до определенного семантического класса, в котором могут быть введены семантические ярлыки для объекта-темы

и объекта-реципиента: *Мужчина дал ребенку (реципиент) книгу (тема).*

Как известно, традиционное представление о том, что по образцу, например, русского языка можно говорить о прямом дополнении темы и косвенном дополнении реципиента для любого другого языка, не выдерживает проверки наглядными фактами. Так, например, в [Osam 1996; 2000] было показано, что в языке акан в этих терминах следует анализировать реципиент как прямое дополнение, а тему как косвенное. При этом естественным сопоставительным фоном для битранзитивной конструкции служит конструкция монотранзитивная, так как по крайней мере один из объектов битранзитивной конструкции в языке обычно обнаруживает сходства с пациенсом монотранзитивной. С морфосинтаксической точки зрения, в работах М. Хаспельмата и А.Л. Мальчукова (см. прежде всего [Haspelmath 2005; Malchukov et al. 2010]) было предложено различать три типа оформления битранзитивной конструкции: индирективное (тема оформляется аналогично пациенсу, реципиент особо), секундативное (реципиент оформляется аналогично пациенсу, тема особо), нейтральное (и тема, и реципиент оформляются аналогично пациенсу). Эти типы могут касаться как адложного или падежного оформления (“flagging”), так и глагольного согласования (“indexing”), причем эти два способа маркирования синтаксических отношений в битранзитивной конструкции могут и не совпадать. Особым типом битранзитивной конструкции является посессивная, в которой тема оформляется как посессор реципиента (см. обзор в [Malchukov 2018]). Далее, в одном языке могут быть представлены разные стратегии оформления битранзитивных конструкций (“ditransitive splits”) в зависимости от свойств темы и реципиента, таких как определенность, одушевленность, местоименность (анафоричность), лицо (локуторность), см. [Heine & König 2010; Haspelmath 2015]. Наконец, поверхностное оформление является всего лишь одним из возможных проявлений собственно синтаксических различий между темой и реципиентом и между каждым из них и пациенсом монотранзитивного глагола. Только на материале языков ква в [Шлуинский 2012] был суммирован набор синтаксических

признаков, различающих эти типы объектов глагола; не все из них применимы к языкам других семей, но важнейшие и сравнительно универсальные признаки включают линейный порядок объектов, образование и оформление относительного предложения и фокусной и частно-вопросительной конструкций, а также не обсуждаемая здесь способность употребляться в посессивной конструкции при номинализации.

Нигеро-конголезские языки, с одной стороны, обладают значительным разнообразием в сфере битранзитивных конструкций; это само по себе неудивительно, так как речь идет о полутора тысячах языков и дискуссионном статусе самой макросемьи, но в то же время многие другие фрагменты грамматики характеризуются большей стабильностью. С другой стороны, макросемья примечательна тем, что, имея тенденцию к нейтральному оформлению, смещает фокус внимания в межъязыковом сопоставлении с поверхностного морфосинтаксического оформления и выбора его стратегии на более тонкие структурно-синтаксические различия и выбор, в свою очередь, между ними.

В основном, однако, в настоящее время можно сделать обзор именно поверхностного адложно-падежного оформления, которое, с одной стороны, наиболее легко устанавливается, с другой – имеет в нигеро-конголезских языках единую наиболее общую тенденцию, с третьей – всё же обнаруживает и существенное разнообразие. Наиболее типично для нигеро-конголезских языков нулевое оформление, при котором и тема, и реципиент не имеют ни формы, ни адложного средства, которое бы внешне отличало их от стандартной объектной формы, которой оформляется пациенс. Проиллюстрируем эту стратегию примерами (1) из бенуэ-конголезского языка око и (2) из языка северный ве семьи кру, но похожие по структуре примеры легко обнаруживаются для языков из большинства нигеро-конголезских семей или групп:

- (1) око {< бенуэ-конго}
 à-vá ógbén áyẹ etumu
 3SG.S-давать ребенок DEF.SG книга
 ‘Он дал ребенку книгу.’ [Atoyebi 2010: 177]

(2) северный ве {< кру}

a "nyl Kei" "bai

2SG давать Кеи рубашка

‘Дай Кеи рубашку!’ [Egner 1989: 115]

Нередким, однако, оказывается и индирективное оформление. Наиболее последовательно индирективная стратегия представлена в языках манде и, по-видимому, в языках догон. В манде тема занимает предглагольную позицию, как и другие прямые объекты, а реципиент вводится послелогом и следует за глаголом, как в примере (3). В догон тема также занимает предглагольную позицию, как и другие прямые объекты, а реципиент вводится послелогом и следует ранее, как в (4). Индирективное оформление представлено также в языках других семей: в некоторых языках гур (во многих языках сенуфо [Carlson 1994: 269–272] и некоторых других, как пана [Beuer 2006: 106]), в некоторых языках адамава (как, для полных именных групп, майа [Желтов 2016: 87]), в некоторых кордофанских языках (как тима [Dimmendaal 2010]), в некоторых бантоидных языках (как нони [Human 1981: 76]).

(3) маню {< манде}

ō kónɔ̄ nɔ̄ [mī wē lɛɛ]

3PL.PST еда давать человек DEM DAT

‘Этому человеку дали еды’. [Khachatryan 2015: 137]

(4) джамсай {< догон}

[mī dɛː lɛ] búːdù óː-sà-m

1SG.POSS отец DAT деньги давать-RES-1SG

‘Я дал деньги своему отцу.’ [Heath 2008: 18]

Представлены и языки, в которых обнаруживается вариативность индирективного и нулевого оформления объектов битранзитивного глагола, причем не соотносящаяся с какими-либо очевидными их семантическими характеристиками. Например, в эдоидном языке дегема возможны и имеют приблизительно одинаковое значение предложения (5a-b).

(5) дегема {< бенуэ-конго}

a. ohoso ɔ-kíyé-n ósama [mú óyi]
Охосо 3SG.S-давать-FCT платье DAT 3SG.O

b. ohoso ɔ-kíyé-n óyi ósama
Охосо 3SG.S-давать-FCT 3SG.O платье

‘Охосо дал ей платье.’ {a=b} [Kari 2004: 73-74]

В языках ква, за исключением разбираемого ниже акебу, исключительно нулевое оформление представлено в случае, когда тема и реципиент выражены полными именными группами, но в некоторых языках присутствует индирективная стратегия у местоимений, имеющих особую косвенно-объектную форму. Так, в примере (6a) из аттие полные объектные именные группы не различаются по оформлению, но в аналогичном ему (6b) представлены разные местоименные формы.

(6) аттие {< ква}

a. àdú dzè jàpō jàpí
Аду давать.PFV Япо Япи

‘Аду отдал (кого) Япи (кому) Япо.’

b. àdú dzè kē jí
Аду давать.PFV 3SG.DAT 3SG.O

‘Аду отдал его ему.’ [Kouadio N’Guessan 1996: 603-604]

Секундативное оформление более редко – и в целом в языках мира, и в нигеро-конголезских языках, но всё же достаточно широко представлено. Наиболее известным языком с секундативным маркированием является йоруба (см. [Atoyebi et al. 2000]), в котором представлены даже две различных по своей структуре секундативных конструкции – предложная (7a) и с препозитивным секундативным маркером (7b). В отдельных языках секундативная конструкция отмечается как альтернативная индирективной: в нони – как две возможности оформления темы и реципиента при одних и тех же битранзитивных глаголах, ср. (8a-b), в мандинка – как лексически зависящая от конкретного глагола с битранзитивным значением, ср. (9a-b).

(7) йоруба {< бенуэ-конго}

- a. *bólá fún adé [ní iwé]*
 Бола давать Аде SEC книга
 ‘Бола дал Аде книгу.’ [Atoyebi et al. 2010: 145]
- b. *mo [fi owó] fún un*
 1SG.S SEC деньги давать 1SG.O
 ‘Я дал ему деньги.’ [Atoyebi et al. 2010: 153]

(8) нони {< бантоидные}

- a. *bó cí ñá kèngòm [ε bɔɔm] fɔgò*
 3PL PST давать плантаны DAT дети вчера
- b. *bó cí ñá bɔɔm [bó kèngòm] fɔgò*
 3PL PST давать дети SEC плантаны вчера
 ‘Детям вчера дали плантаны.’ {a=b} [Human 1981: 76]

(9) мандинка {< манде}

- a. *kew-ó ye kó-d-óo dii [mus-óo la]*
 мужчина-DEF PFV деньги-DEF давать женщина-DEF OBL
 ‘Мужчина дал деньги женщине.’
- b. *kew-ó ye mus-óo só [kó-d-óo la]*
 мужчина-DEF PFV женщина-DEF отдавать деньги-DEF OBL
 ‘Мужчина отдал деньги женщине.’ [Creissels & Sambou 2013: 66]

Не полностью грамматикализованное квазисекундативное оформление представлено при этом как одна из возможностей в большинстве языков ква, многих языках гур и бенуэ-конго, в которых распространены сериальные глагольные конструкции с редуцированным семантически глаголом ‘брать’, который может быть использован как маркер объекта следующего за ним лексического глагола (см. подробнее [Шлуинский 2017]). Когда в такой конструкции употребляется битранзитивный лексический глагол, его непосредственным немаркированным зависимым остается объект-реципиент, а глагол ‘брать’ служит маркером объекта-темы, как в примере из бенуэ-конголезского языка нупе (10b), в отличие от нейтрального оформления в (10a). Существенно, что при

определенных характеристиках объектов такая конструкция во многих языках перечисленных генетических объединений оказывается единственной возможной. Так, для языка акан семьи ква еще в известной краткой статье [Stewart 1963] было показано, что если объект-тема является референциально неопределенным, то используется нейтральное оформление обоих объектов, как в (11a), но если он определенный, то нейтральное оформление неграмматично (11b), а требуется введение темы грамматикализованным глаголом ‘брать’ (11c). Впоследствии аналогичные факты (см., например, [Van Leynseele 1975: 202] для языка анбин семьи ква) или сходные ограничения на объект-тему, выраженный личным местоимением (в частности, [Olawsky 1999: 46] для языка дагбани семьи гур или [Essegbey 1999: 154] для языка эве семьи ква), были обнаружены и для других языков с таким употреблением глагола ‘брать’. В языке акебу, как мы показали в [Makeeva & Shluinsky 2020], секундативное оформление при помощи глагола ‘брать’ – единственная возможность для прагматически нетипичного объекта-темы, выраженного личным местоимением 1-2 л., как в (12).

(10) нупе {< бенуэ-конго}

- a. *etsu yà mí èwò*
 вождь давать 1SG одежда
 ‘Вождь дал мне одежды.’
- b. *etsu [lá èwò] yà mí*
 вождь брать одежда давать 1SG
 ‘Вождь дал одежду мне.’ [George 1975: 61]

(11) акан {< ква}

- a. *ɔ-ma-a me síká*
 3SG.S-давать-PST 1SG.O деньги
 ‘Он дал мне денег.’
- b. **ɔ-ma-a me síká nó*
 3SG.S-давать-PST 1SG.O деньги DEF
- c. *ɔ-[de síká nó] ma-a me*
 3SG.S-брать деньги DEF давать-PST 1SG.O
 ‘Он дал мне деньги.’ [Stewart 1963: 147]

(12) акебу {< ква}

pīli-yá [*lā-fǎ* *má*] *lō-kūj* *sàà-yā* *sā*
 вождь-CL 3.PFV-брат 1SG.O 3.PFV-давать иностранец-CL DEM
 ‘Вождь дал меня иностранцу.’ [личные данные]

Наконец, посессивное оформление само по себе является типологическим раритетом, но известно в качестве маргинальной (и слабо изученной, см. [Fedotov 2016: 341–343]) возможности, в частности, в некоторых языках манде наряду с нейтральным, ср. пример (13) из языка гбан. В языке акебу семьи ква посессивное оформление является основной возможностью, когда тема и реципиент выражены полными именными группами, как в (14), хотя с местоимениями употребляются нейтральное оформление, а также представлена конструкция, в которой тема вводится глаголом ‘брат’, см. подробнее [Makeeva & Shluinsky 2020]¹³⁷.

(13) гбан {< манде}

... *è* *wò* [*í* *mɔ́* *lǎlǎ*] *nè*
 3SG PURP 1SG POSS давать деньги.INF
 ‘... чтобы он дал мне денег.’ [Fedotov 2016: 342]

(14) акебу {< ква}

wá *ŋ-kòdnū* [*ásūkūnā* *lá* *gà-kə*]
 и 3SG.S.JNT-давать_{FCT} Хитрец POSS мясо-CL
 ‘И он отдал мясо Хитрецу.’ [личные данные]

Что касается глагольного согласования, то, как известно, объектное согласование в нигеро-конголезских языках представлено в группе банту, причем в битранзитивных конструкциях возможно согласование как с объектом-темой, так и с объектом-реципиентом, которые сами по себе оба получают нейтральное оформление (см. обзор в [Аксенова & Топорова 1990: 154–156]). В некоторых бантуских языках возможно согласование глагола с обоими объектами, что, таким образом, означает нейтральное согласовательное оформление битранзитивной конструкции; самый известный такой язык – киньяруанда, проиллюстрированный в (15). В других языках

¹³⁷ Возможен также анализ как посессивных некоторых битранзитивных конструкций в языке бауле семьи ква, см. [Creissels & Kouadio 2010].

банту, однако, представлена единственная объектная согласовательная позиция в глагольной словоформе, при этом согласование возможно как по объекту-реципиенту, так и по объекту-теме, то есть возможны и секундативная, и индирективная стратегия в одном и том же языке. Для зулу обе возможности показаны в литературе (например, [Adams 2010]) с полными выраженными объектными именными группами, ср. (16a-b); аналогичные факты описаны для языка сисвати в [De Guzman 1987]. Есть и такие языки, как суахили, для которого отмечается только секундативная согласовательная стратегия, то есть, согласно литературе (например, [Vitale 1981: 45]), возможны только аналогичные (16a) примеры типа (17), но не аналогичные (16b). Естественно, что при многочисленности группы банту отдельной задачей становится исследование выбора нейтральной, индирективной и секундативной стратегии согласования как для языка в целом, так и, что особенно интригует, в рамках одного и того же языка; из недавних работ на эту тему можно назвать [Zeller 2014; van der Wal 2017].

(15) киньяруанда {< банту}

umu-gabo *y-a-ki-mu-haa-ye*
 CL1-мужчина CL1.S-PST-CL7.O-CL1.O-давать-PST
 ‘Мужчина дал это ему.’ [Kimenyi 1976: 134]

(16) зулу {< банту}

a. *u-tama* *u-ba-nik-e* *in-cwadi* *aba-ntwana*
 CL1a-мать CL1.S-CL2.O-давать-PRF CL9-книга CL2-ребенок
 b. *u-tama* *u-yi-nik-e* *aba-ntwana* *in-cwadi*
 CL1a-мать CL1.S-CL9.O-давать-PRF CL2-ребенок CL9-книга
 ‘Мать дала детям книгу.’ {a=b} [Adams 2010: 11]

(17) суахили {< банту}

ni-li-m-pa *kaka* *y-angu* *zawadi*
 1SG.S-PST-CL1.O-давать старший брат CL9-1SG.POSS подарок¹³⁸
 ‘Я подарил [= дал] подарок своему старшему брату.’ [Vitale 1981: 45]

¹³⁸ Являющееся объектом-реципиентом существительное *kaka* ‘старший брат’ принадлежит к группе существительных морфологического 9 именного класса,

Нейтральное оформление темы и реципиента, наиболее типичное для нигеро-конголезских языков, как было сказано, вовсе не означает, что их синтаксические свойства эквивалентны. Прежде всего, лишь для некоторых языков, возможно различное взаимное расположение темы и реципиента. К числу таких языков относятся, например, язык фон семьи ква (18a-b) и язык буна куланго семьи гур (19a-b)¹³⁹.

(18) фон {< ква}

a. *kə̀kú ná àsón àsibá*
Коку давать краб Асиба

b. *kə̀kú ná àsibá àsón*
Коку давать Асиба краб

‘Коку дал Асиба крабов.’ {a=b} [Lefebvre 1994: 70–71]

(19) буна куланго {< гур}

a. *hɛ̃ nya nyɔ hɛnɛ izo-kɔ̃*
3SG давать человек.CL DEM нож-CL

b. *hɛ̃ nya izo-kɔ̃ nyɔ hɛnɛ*
3SG давать нож-CL человек.CL DEM

‘Он дал нож этому человеку.’ [Elders 2008: 384]

В других языках линейная позиция реципиента и темы закреплена. В частности, в большинстве языков ква реципиент предшествует теме, а обратный порядок неграмматичен, как, например, в языке логба, где перестановка (20a) в (20b) дает неприемлемое предложение. В языке ваама семьи гур реципиент следует за темой (21), причем, как показано в описании

с которыми possessивные местоимения согласуются как с 9 классом, но глагол – как с основным одушевленным 1 классом, см. подробнее [Громова & Охотина 1995: 108–109, 146–147]. Объект-тема – существительное *zawadi* ‘подарок’ также относится к 9 именной группе, но согласование глагола по 1 классу вызывать не может, что, в частности, безошибочно показывает, какой из объектов является контролером согласования в примере (17).

¹³⁹ По-видимому, даже для этих языков один из порядков более нейтральный, чем другой: предшествование темы реципиенту в фон, как в (18a), и предшествование реципиента теме в буна куланго, как в (19a).

[Peter 1990], именно тема занимает стандартную непосредственно заглагольную позицию прямого объекта, а позиция реципиента аналогична позиции более периферийных составляющих.

(20) логба {< ква}

a. *howusu ó-tá asafo e-feshi*
Ховусу 3SG.S-давать Асафо CL-овца
‘Ховусу дал Асафо овцу’.

b. **howusu ó-tá e-feshi asafo*
Ховусу 3SG.S-давать CL-овца Асафо [Dorvlo 2008: 137]

(21) ваама {< гур}

ɲ pɛɛ dikitiyi 'péekúrikà
1SG давать.PRF деньги старуха

‘Я дал деньги старухе.’ [Peter 1990: 467]

При этом в неблизких языках обнаруживается различный линейный порядок полных и местоименных объектных именных групп. Так, в идиомах фула реципиент предшествует теме, если оба они выражены полными именованными группами (22a) или если оба они выражены местоимениями (23a), и обратный порядок невозможен (22b), но если объект-тема выражен местоимением, а объект-реципиент – полной именной группой, порядок слов иной (23b). Аналогичная ситуация представлена в языке игбо, где единственно возможные порядки слов с реципиентом – полной именной группой (24a) и местоименным реципиентом (24c) противоположны.

(22) пулар {< атлантические}

a. *Bubakar jonn-i Aliu goro*
Бубакар давать-PFV Алиу орех_кола
‘Бубакар дал Алиу орехи кола.’

b. **Bubakar jonn-i goro Aliu*
Бубакар давать-PFV орех_кола Алиу [Коваль & Зубко 1986: 129]

(23) пулар {< атлантические}

- a. *mi jonn-i mo nde*
 1SG давать-PFV CL_O CL_{NDE-O}
 ‘Я дал ему ее {книгу}.’
- b. *mi jonn-i nde Bubakar*
 1SG давать-PFV CL_{NDE-O} Бубакар
 ‘Я дал ее {книгу} Бубакару.’ [Коваль & Зубко 1986: 129]

(24) игбо {< бенуэ-конго}

- a. *Òbí nyè-re Chiké egó*
 Оби давать-FCST Чике деньги
 ‘Оби дал Чике деньги.’
- b. **Òbí nyè-re egó Chiké*
 Оби давать-FCST деньги Чике
- c. *Òbí nyè-re ya Adá*
 Оби давать-FCST 3SG.O Ада
 ‘Оби дал это Ада.’
- d. *ʔÒbí nyè-re Adá ya*
 Оби давать-FCST 3SG.O Ада [Saah & Eze 1997: 140]

Помимо порядка слов, различия между морфосинтаксически нейтрально оформленными объектом-темой и объектом реципиентом могут проявляться в более тонких аспектах синтаксиса. К сожалению, соответствующая область слабо исследована для большинства языков макросемьи (даже тех, для которых описана базовая грамматика), но описанные для отдельных языков факты показывают, что синтаксическое поведение объекта-темы и объекта-реципиента далеко не всегда может быть предсказано из стратегии их оформления, в особенности, если это не различительная нейтральная стратегия. Рассмотрим здесь кратко использование резюмтивных местоимений при определенных типах синтаксических трансформаций, таких как образование относительного предложения и образование фокусных и частно-вопросительных конструкций в некоторых языках ква, использующих, как уже было сказано, нейтральную стратегию оформления битранзитивной конструкции. В том и другом случае в языках этой семьи един-

ственный объект переходного глагола не требует резюмтивного местоимения, по крайней мере как обязательного грамматического элемента – то есть как при образовании относительного предложения, так и при образовании фокусной или связанной с ней частно-вопросительной конструкции не используется выраженное местоимение в исходной синтаксической позиции, в которой находилась бы соответствующая именная группа в простом предложении без фокуса. Для языка эве показано [Essegbey 1999: 151–152], что при образовании фокуса или частного вопроса к объекту-теме резюмтивное местоимение, как и в случае объекта-пациенса монотранзитивного глагола, не используется (25a), тогда как при образовании фокуса или частного вопроса к объекту-реципиенту оно, напротив, обязательно (25b). Таким образом, независимо от внешнего нейтрального оформления в эве тема имеет некоторые свойства, объединяющие ее с пациенсом, позволяющие говорить о синтаксической индирективности¹⁴⁰. Языки логба [Dorvlo 2008: 177–178] и тувули [Harley 2005: 260–261], в обоих из которых реципиент линейно предшествует теме, накладывают грамматическое требование использование резюмтивного местоимения при образовании относительного предложения к объекту-теме (26a), но не объекту-реципиента (26b), что свидетельствует о синтаксической секундарности. Для акан показаны и более жесткие ограничения на образование как относительного предложения, так и фокусной конструкции к объекту-реципиенту, см. [Osam 1996; 1997].

(25) эве {< ква}

- a. *nú ka é kofi ná amí ?*
 вещь Q ФОС Кофи давать Ами
 ‘Что Кофи дал Ами?’

¹⁴⁰ В том, что касается линейного порядка темы и реципиента, по эве представлены (в том числе в личных данных автора, полученных от разных носителей) противоречивые сведения, которые наиболее естественно объяснить диалектной вариативностью: либо, наряду с близкородственным фон, возможны оба линейных порядка, либо, наряду, например, с близкородственным аджа [Morley 2010: 83], тема предшествует реципиенту. В любом случае наиболее стандартный линейный порядок в эве и в других языках гбе (но не в большинстве других языков ква) такой, что тема предшествует реципиенту, что также является косвенным свидетельством синтаксической индирективности.

- b. *ame ka é kofi ná ga e ?*
 человек Q ФОС Кофи давать деньги 3SG.O
 ‘Кому Кофи дал деньги?’ [Essegbey 1999: 151]

(26) логба {< ква}

- a. *mango [xé kofi ɔ-tá howusu é]*
 манго REL Кофи 3SG.S-давать Ховусу 3SG.O
 ‘манго, которое Кофи дал Ховусу’
- b. *howusu [xé kofi ɔ-tá mangɔ]*
 Ховусу REL Кофи 3SG.S-давать манго
 ‘Ховусу, которому Кофи дал манго’ [Dorvlo 2008: 178]

Суммируя сказанное, битранзитивные конструкции в нигеро-конголезской макросемье являются далеко не гомогенным классом и обнаруживают обширную вариативность как в различных языках, так и в рамках одного языка. Описание их функционирования в отдельном языке должно включать:

1) инвентарь морфосинтаксических способов падежно-адложного оформления битранзитивной конструкции, включающих как тип стратегии оформления (нейтральная, индирективная, секундативная, сериальная квазисекундативная, посессивная), так и конкретные их реализации (различные индирективные или секундативные маркеры, различные битранзитивные глаголы с разной структурой валентностей);

2) распределение этих способов между разными классами объекта-реципиента и объекта-темы с учетом таких факторов, как их референциальная определенность, одушевленность или личность, выражение полной именной группой или местоимением, 1–2 или 3 лица;

3) возможность глагольного согласования по какому-либо из объектов битранзитивного глагола и влияние на его наличие и выбор объекта в зависимости от тех же факторов;

4) линейный порядок объекта-реципиента и объекта-темы, его вариативность и зависимость от тех же факторов;

5) асимметрии объекта-реципиента и объекта-темы при приращении к ним синтаксических модификаций, таких как реляти-

визация, образование фокусной и частно-вопросительной конструкций и другие, с учетом поведения объекта- пациенса моно-транзитивного глагола и, в рамках возможного, тех же факторов, определяющие свойства самих объектов битранзитивного глагола.

Перспектива типологического исследования нигеро-конголезских битранзитивных конструкций включает возможность сопоставления языков разных семей или групп с учетом всех перечисленных параметров.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; CL – показатель именного класса или согласования по нему (для языков банту указывается также общепринятый номер класса, для идиомов фула – общепринятое обозначение); DAT – индирективный (дативный) показатель; DEF – определенный артикль; DEM – указательное местоимение; FCT – фактатив; FOC – показатель фокуса; INF – инфинитив; JNT – сопряженный показатель согласования; O – объектное местоимение или объектное согласование; OBL – показатель косвенной роли; PRFV – перфектив; PL – множественное число; POSS – посессивное местоимение или показатель посессивности; PRF – перфект; PST – прошедшее время; PURP – показатель цели; Q – показатель вопроса; REL – показатель относительного предложения; RES – результатив; S – субъектное местоимение или субъектное согласование; SEC – секундативный показатель; SG – единственное число.

Литература

- Аксенова, И.С. & Топорова, И.Н. 1990. Введение в бантуистику. М.: Наука.
- Громова, Н.В. & Охотина, Н.В. 1995. Теоретическая грамматика языка суахили. М.: Наследие.
- Желтов, А.Ю. 2016. Элементы морфосинтаксиса языка майа (адамауа, нигер-конго) // Виноградов, В.А. и др. (ред.). Исследования по языкам Африки. Вып. 6. М.: Ключ-С. С. 81–89.
- Коваль, А.И. & Зубко, Г.В. 1986. Язык фула. М.: Наука.
- Шлуинский, А.Б. 2012. Объекты в битранзитивной конструкции в языке ква: внутригенетическое сопоставление // Желтов, А.Ю. и др. (ред.). Африканский сборник 2011. СПб.: Лема. С. 300–318.

- Шлуинский, А.Б. 2017. Конструкции с глаголом ‘брать’ как источник дифференцированного маркирования объекта: данные языков ква, бенуэ-конго и гур // *Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследователей РАН) XIII(3)*. С. 414–441.
- Adams, Nikki B. 2010. *The Zulu ditransitive verb phrase*. PhD. diss. Chicago: Univ. of Chicago.
- Atoyebi, Joseph Dele. 2010. *A reference grammar of Oko*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Atoyebi, Joseph; Haspelmath, Martin; Malchukov, Andrej. 2010. Ditransitive constructions in Yorùbá // Malchukov, Andrej, et al. (eds.). *Studies in ditransitive constructions*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter. P. 145–165.
- Beyer, Klaus. 2006. *La langue pana (Burkina Faso et Mali). Description linguistique, lexique, texts*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Carlson, Robert. 1994. *A grammar of Supyire*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
- Creissels, Denis & Kouadio, Jérémie. 2010. Ditransitive constructions in Baule // Malchukov, Andrej, et al. (eds.). *Studies in ditransitive constructions*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter. P. 166–189.
- Creissels, Denis & Sambou, Pierre. 2013. *Le mandinka: phonologie, grammaire, textes*. Paris: Karthala.
- De Guzman, Videa P. 1987. Indirect objects in Siswati // *Studies in African Linguistics* 18(3). P. 309–325.
- Dimmendaal, Gerrit J. 2010. Ditransitive constructions in Tima // Malchukov, Andrej, et al. (eds.). *Studies in ditransitive constructions*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter. P. 166–189.
- Dorvlo, Kofi. 2008. *A grammar of Logba (Ikpana)*. Utrecht: LOT.
- Egner, Inge. 1989. *Précis de grammaire wobé*. Abidjan: Université nationale de Côte d’Ivoire.
- Elders, Stefan. 2008. *Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d’Ivoire)*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Essegbey, James. 1999. *Inherent complement verbs revisited: towards an understanding of argument structure in Ewe*. PhD. diss. Leiden: Leiden university.
- Fedotov, Maxim. 2016. Adnominal predicative possessive construction and pragmatically “flexible” noun phrases in Gban // *Виноградов, В.А. и др. (ред.). Исследования по языкам Африки. Вып. 6. М.: Ключ-С. С. 320–345*.
- George, Isaac. 1975. *A grammar of Kwa-type verb serialization: its nature and significance in current generative theory*. PhD. diss. Los Angeles: Univ. of California.

- Harley, Matthew W. 2005. *A descriptive grammar of Tuwuli*. PhD. diss. London: Univ. of London.
- Haspelmath, Martin. 2005. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic discovery* 3(1). P. 1–21.
- Haspelmath, Martin. 2015. Ditransitive constructions // *Annual Review of Linguistics* 1. P. 19–41.
- Heath, Jeffrey. 2008. *A grammar of Jamsay*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
- Heine, Bernd & König, Christa. 2010. On the linear order of ditransitive objects // *Language Sciences* 32(1). P. 87–131.
- Hyman, Larry M. 1981. Noni grammatical structure with special reference to verb morphology. = *Southern California occasional papers in linguistics* 9. Los Angeles: Univ. of California.
- Kari, Ethelbert Emmanuel. 2004. *A reference grammar of Degema*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Khachaturyan, Maria. 2015. *Grammaire du mano*. = *Mandenkan* 54.
- Kimenyi, Alexandre. 1976. *A relational grammar of Kinyarwanda*. PhD. diss. Los Angeles: Univ. of California.
- Kouadio N’Guessan, Jérémie. 1996. *Description systématique de l’attie de Memni. Thèse de doctorat. Vol. 1*. Grenoble: Univ. de Grenoble III.
- Lefebvre, Claire. 1994. New facts from Fongbe on the double object constructions // *Lingua* 94(2–3). P. 69–123.
- Makeeva, Nadezhda & Shluinsky, Andrey. 2020. Ditransitive constructions in Akebu // *Studies in Language*. In press.
- Malchukov, Andrej. 2018. Typological remarks on “internal” beneficiaries and the benefactive-possessive convergence // Korn, Agnes & Malchukov, Andrej (eds.). *Ditransitive constructions in a typological perspective*. Wiesbaden: Reichert. P. 13–25.
- Malchukov, Andrej; Haspelmath, Martin; Comrie, Bernard. 2010. Ditransitive constructions: A typological overview // Malchukov, Andrej, et al. (eds.). *Studies in ditransitive constructions*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter. P. 1–64.
- Olawsky, Knut J. 1999. *Aspects of Dabani grammar*. München: Lincom Europa.
- Osam, Emmanuel Kweku. 1996. The object relation in Akan // *Afrika und Übersee* 79. P. 57–83.
- Osam, Emmanuel Kweku. 1997. Serial verbs and grammatical relations in Akan // Givón, Talmy (ed.). *Grammatical relations: a functionalist perspective*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins. P. 253–279.
- Osam, Emmanuel Kweku. 2000. The status of the indirect object in Akan // *Journal of Asian and African Studies* 59. P. 171–177.

- Peter, Ursula. 1990. Description systematique du Waama (langue voltaïque du Bénin). Thèse de doctorat. Vol. II. Grammaire. Paris: Univ. René Descartes (Paris V).
- Saah, Kofi K. & Eze, Ejike. 1997. Direct objects in Akan and Igbo // Déchaine, Rose-Marie & Manfredi, Victor (eds.). Object positions in Benue-Kwa. Papers from a workshop at Leiden University, June 1994. The Hague: Holland Academic Graphics. P. 139–151.
- Stewart, John M. 1963. Some restrictions on objects in Twi // Journal of African languages 2(2). P. 145–149.
- van der Wal, Jenneke. 2017. Flexibility in symmetry: An implicational relation in Bantu double object constructions // Sheehan, Michelle & Bailey, Laura R. (eds.). Order and structure in syntax II: Subjecthood and argument structure. Berlin: Language Science Press. P. 115–152.
- Van Leynseele, Hélène. 1975. Restrictions on serial verbs in Anyi // Journal of West African languages 10(2). P. 189–218.
- Vitale, Anthony J. 1981. Swahili syntax. Dordrecht: Foris.
- Zeller, Jochen. 2014. Three types of object marking in Bantu // Linguistische Berichte 239. P. 347–367.

Rasmus Bernander

THE CARDINAL NUMERAL SYSTEMS OF THE MANDA GROUP (BANTU N10) – A SHORT INTRODUCTION

Introduction

This paper comprises a short introductory note to the numeral systems of a subgroup of Bantu languages found in Southern Tanzania, viz. the N10 Mara subgroup (Maho 2009).¹⁴¹ The study presents the

¹⁴¹ The conceptualization of the Mara group originates from Guthrie's (1948, 1967–1971) alpha-numeric classification, the latest update of the group being Maho (2009). Although primarily a referential classification, there is some genealogical basis to this classification as well (given some modifications). Contra Nurse (1988), who actually excludes Manda from what we here refer to as the Manda group, I chose to include it (see Bernander 2018a for a discussion). I have not included Nindi (classified as N102 by Maho 2009) in this study, because I could not find any data on this language (see a discussion in Persohn & Bernander 2018). Nor does this study include the Malawian languages Tonga (N15) – more closely affiliated with Malawian N20 languages – or Malawian Ngoni (N121) or the Ngoni variety in Mozambique (which lacks a Guthrie/Maho code). Notice that the Ngoni variety cited here has little to do linguistically with

formal particularities of the cardinals and their systematization into a coherent system as well as including some comments of comparative-historical interest. The motivation behind the study of numerals is not only connected to the fact that it “presents a prime case of using structured groups of lexemes for assessing historical-comparative questions” (Güldemann 2018: 74), but also because numeral systems and their socio-cultural particularities often form an extra endangered domain of endangered languages (Comrie 2005). As will become clear in the following, the N10 languages are no exception to this characterization, given the salient amount of influence from Swahili (the dominant national and co-official medium of communication in Tanzania) visible in their numeral systems.

Table 1 lists the various sources cited for each language. The abbreviations in brackets will be used for singling out a specific source, both in the tables and in the text below. I have only had access to one Ndendeule source. Thus, no abbreviation is needed in this case.

Table 1. List of language sources

Language name	Guthrie code	References
Manda	N11	Bernander (2017:77–80 + field notes) [Be]; Haule (2016: <i>passim</i>) [Ha]; Nurse & Philippson (1975) [N&P]
Ngoni	N12	Ngonyani (2003:45–46) [Ng]; Moser (1983:114–116) [Mo]; Ebner (1939:13–14) [Eb]
Matengo	N13	Yoneda (2006:73–74) [Yo]; Nurse & Philippson (1975) [N&P]; Häfliger (1909: <i>passim</i>) [Hä]; Zimmer (n.d.:6–7) [Zi]

the Ngoni (S40) variety from where this glossonym is derived, which was spoken in late 19th / early 20th century Tanzania during the aftermath of Mfecane (see e.g. Mous 2019; Bernander 2017:19–23). Interestingly, Ngoni does not seem to have left any impact on the numeral systems of the N10 languages. Quite the contrary, it seems that the Ngoni variety spoken was influenced by the local varieties, as indicated in the statement by Spiss (1904:209) that “even the expressions used in [Ngoni] for 6, 7, 8 and 9 have been forgotten by the Wangoni in their new home” (translated from German).